

УДК 113/119:141.13:130.2(575.2)
DOI: 10.36979/1694-500X-2025-25-2-79-85

ЭПОХА КЫРГЫЗСКОГО КОСМОЦЕНТРИЗМА

Д.Д. Мукамбетов

Аннотация. Даётся обзор социально-политической и культурно-конфессиональной обстановки на Тянь-Шане в постмонгольскую эпоху, освещена социокультурная роль кыргызского этноса в условиях динамично меняющихся диспозиций в регионе. Кроме того, отражены духовные запросы народа, место и роль изустных импровизаторов, прослежены основные концептуальные маршруты, описан ключевой горизонт натурфилософских представлений средневековых кыргызских мыслителей. Каждый раздел, помимо аналитической части, содержит выводы. Основное внимание исследования уделено натурфилософским основаниям гуманизма, социокультурным традициям и утопическим представлениям. В разделе про утопические идеи отражено основное диалектическое напряжение того времени, развернувшееся между идеалистическими воззрениями Асана-Кайгы и Толубая-Сынчы.

Ключевые слова: космоцентризм; гуманизм; природная среда; предание; утопия; натурфилософия; этнокультурная традиция; золотая долина.

КЫРГЫЗ КОСМОЦЕНТРИЗМ ДООРУ

Д.Д. Мукамбетов

Аннотация. Макалада постмонгол доорундагы Тянь-Шандын коомдук-саясий жана маданий-конфессионалдык абалына сереп салынып, чөлкөмдөгү динамикалуу өзгөрүп жаткан диспозициялардын контекстинде кыргыз этникалык тобунун социалдык-маданий ролу баса белгиленет. Мындан тышкары, элдин руханий керектөөлөрү, оозеки импровизаторлордун орду жана ролу чагылдырылып, негизги концептуалдык жолдор чийилип, орто кылымдардагы кыргыз ойчулдарынын натурфилософиялык идеяларынын өзөктүү горизонттору сүрөттөлөт. Ар бир бөлүм, аналитикалык бөлүктөн тышкары, корутундуларды камтыйт. Изилдөөнүн негизги багыты гуманизмдин натурфилософиялык негиздерине, социомаданий салттарга жана утопиялык идеяларга багытталган. Утопиялык идеялар бөлүмүндө Асан-Кайгы менен Толубай-Сынчынын идеалисттик көз караштарынын ортосунда ачылып жаткан ошол кездеги негизги диалектикалык чыңалуу чагылдырылган.

Түйүндүү сөздөр: космоцентризм; гуманизм; табигый чөйрө; салт; утопия; натурфилософия; этномаданий салт; алтын өрөөн.

THE ERA OF KYRGYZ COSMOCENTRISM

D.D. Mukambetov

Abstract. The article provides an overview of the socio-political and cultural-confessional situation in the Tien Shan in the post-Mongol era, highlights the socio-cultural role of the Kyrgyz ethnos in the context of dynamically changing dispositions in the region. In addition, the spiritual needs of the people, the place and role of oral improvisers are reflected, the main conceptual routes are traced, the key horizon of natural philosophical ideas of medieval Kyrgyz thinkers is described. Each section, in addition to the analytical part, contains conclusions. The main attention of the study is paid to the natural philosophical foundations of humanism, socio-cultural traditions and utopian ideas. The section on utopian ideas reflects the main dialectical tension of that time, which unfolded between the idealistic views of Asan-Kaigy and Tolubay-Synchy.

Keywords: cosmocentrism; humanism; natural environment; legend; utopia; natural philosophy; ethnocultural tradition; golden valley.

Эпоха монгольского владычества привела к кардинальным демографическим, социокультурным и общественно-политическим сдвигам в Евразии. Некогда цветущий этнокультурный регион Дешт-и-Кипчак подвергся опустошительному вторжению беспощадных монгольских туменов и вошёл в состав обширных владений Чингисхана к началу XIII века. Земли Тянь-Шаня в эту драматическую эпоху последовательно входили в сферу влияния Чагатайского улуса, Государства Хайду и в состав Моголистана.

В силу необратимо изменившейся этнополитической ситуации в Сибирском регионе усиливаются миграционные потоки енисейских кыргызов на Тянь-Шань, где на тот момент наблюдалась пёстрая этнокультурная панорама, в основном составленная из тюрко-монгольских кочевых сообществ: чигили, ягма, огузы, карлуки, найманы, дулаты, керейты и т. д. и с преобладанием исламского вероубеждения в их культурно-конфессиональной среде.

На рубеже XIII–XIV веков енисейские кыргызы, сохранив своё древнее самосознание, культурную самобытность и духовное наследие, вступают на путь формирования консолидированной этнокультурной общности под эгидой идеонима «кыргыз». Вот как это социокультурное размежевание иллюстрирует средневековый историк М. Хайдар: «Хотя киргизы также могольское племя, однако из-за многочисленных противоречий с хаканами они отделились от моголов. Моголы поголовно приняли ислам и слились с мусульманами, а киргизы так и оставались в неверии и по этой причине отмежевались от моголов» [1].

С этого периода наблюдается перманентное возрастание кыргызского фактора на Тянь-Шане, идёт поступательное инкорпорирование самых разных этноплеменных сообществ в новоявленный общественно-политический уклад, и к XV веку в условиях необратимых центробежных тенденций, захлестнувших Моголистан, кыргызы вступили в непримиримую конфронтацию с центральной властью, открыто бросив вызов этнополитическим традициям монголов и чингизидскому присутствию на Тянь-Шане.

К концу XV века кыргызский правитель, выходец из древнего аристократического рода, стал

претендовать на верховную власть под тронным именем Мухаммед-Кыргыз, что иллюстрирует интеграцию енисейских кыргызов в автохтонный социокультурный режим и что обеспечивает распространение политического влияния на всё население Тянь-Шаня. Этноним «кыргыз» перешёл в разряд политонима и открыл новую этнокультурную главу в исторической летописи края.

В культурном измерении в эту пограничную эпоху начинает формироваться традиция устного сказительства эпосов, преданий и нравоучительных песен. В социологии кыргызского общества на первый план стали выходить мастера сакральной словесности – манасчы, акыны, сечены и ырчы. Они являлись провозвестниками нового исторического цикла и носителями духовной программы на Тянь-Шане. Народные поэты образовывали этноцентр в общественном устройстве кыргызского народа и задавали космоцентричные пропорции в нём.

Странствующие рапсоды назидали народ мудрым словом, проповедовали идеалы гуманизма, воспевали ценности социальной солидарности, приобщали к героике былых эпох, раскрывали таинства природы и выражали общественные чаяния. В период формирования этнокультурного единства кыргызов на Тянь-Шане акыны являлись значимой политической силой при распределении властных полномочий и символических привилегий в социально-ролевой иерархии общества. Часто воплощая функции вождей, справедливых судей, выступали в роли отважных батыров. Акыны не только созидали словом символический мир Тянь-Шаня, но и воплощали этот назидательный опыт на практике.

В духовном измерении наблюдалось погружение народных корней в глубь семантического пространства Тянь-Шаня, происходило концептуальное закрепление на почве новообретённых идейных традиций и нарождалась фабула для предстоящих больших повествований. Эта богатая на духовные всходы эпоха породила широкую россыпь блистательных философов, куда входят: Кет Бука, Джээрченче-чечен, Токтогулырчы, Асан-Кайгы, Толубай-Сынчы и Санчы-Сынчы.

Поскольку они были первыми герменевтами космической среды, выстраивавшими

кыргызскую традицию дискурсивности в согласии с теллуократическими законами месторазвития Тянь-Шаня и определившими идейный горизонт тем, равно как экзистенциальные вопрошания для всех последующих эпох, то имеет смысл провести краткое обобщение основного содержания их философской мысли.

1. Космоцентричный гуманизм. Одной из наиболее ярких и экзистенциально пронзительных тем в гуманистической ориентации кыргызского сознания была и остаётся тема софийного преобразования мира. Акыны той знаменательной и плодотворной эпохи глубоко ощущали всечеловеческую природу кыргызского самосознания, его глубокое сущностное тождество с окружающим миром, с живым наполнением космической среды.

Истоки человеческого бытия погружены в глубь природной среды, с космоцентричных глубин человек черпает своё экзистенциальное наполнение в мире. Вся многообразная природная действительность содержит печать первозданного совершенства, встроена в восходящий ритм космоса и включена в общий замысел универсального преобразования.

Подлинное величие кыргызского гуманизма выразилось в понимании человека как центрального субъекта мира, таящего в себе разгадку Вселенной и возвышающегося над стихийными процессами природной необходимости. Гуманистическая направленность кыргызской философии стремилась утвердить центральное положение человека в мире, осмыслить его онтологический статус как самореферентного носителя преобразённого времени и представить его как исключительный источник реализации божественного провидения.

Человек космичен по своей природе. Только человек, заключающий в себе целокупный образ космоса, может познать бесконечную природу Вселенной, оживить и расколдовать природу, освободить мир от неразумного томления, утвердить законы космической гармонии и явить пути для софийного преобразования всей социоприродной действительности.

В человеке спрессованы все космические наслоения мира, и в нём заключён актуальный образ вечности. Сама возможность духовного

постижения Вселенной открыта лишь для того, кто сам выступает как равновеликая Вселенная, кто чувствует и утверждает своё паритетное достоинство к миру. Это глубокое, нерасторжимое переплетение космических и человеческих путей, судеб большой и малой Вселенной составит наиболее яркий семантический контур в натурфилософском наследии кыргызского гуманизма.

В идее всечеловечности свобода человека не противостоит и не противится космосу, в экзистенциально преобразённой свободе происходит примирение всех природных граней, каждый космический элемент становится составной частью соборного единства, находит полноту выражения в универсальной природе человека. Человек как онтологический фокус всех земных и небесных перекрестий утверждает идеальный космоцентричный порядок в сущем, приобщает реальность природного к полноте божественной жизни, делает исходжение божественной плеромы событием актуальной повседневности.

Только человек, который заключает целостный образ мира, может ощутить сердечный ритм Вселенной, сбываться в космоцентричной среде и утвердить гуманизм как формообразующую ориентацию к миру. Пути человека и природы навеки спаяны единой духовной судьбой. Ввиду этого в традиционном кыргызском обществе отношение к природе имело глубокую мировоззренческую подоплёку¹ и несло непреходящий этический смысл.

У кыргызского народа издревле существовали строгие предписания в использовании природных богатств: водоёмов, пастбищ, жизненного многообразия флоры и фауны [2]. Человеку надлежало соизмерять свою деятельность с космоцентричными законами природной среды [3]: не брать лишнего сверх того, чего требует жизненная необходимость. Нарушение природосообразного отношения к окружающей среде влекло за собой ответственное воздаяние, соразмерное

¹ Гуманистическое отношение к природной среде зафиксировано в этимологическом значении слова «природа». На кыргызском языке природа определяется как *жаратылыш* и является производной от глагола *жаратуу* (создавать, творить), что в буквальном значении осмысливается как «творение» Бога (по-кыргызски *Жараткан*).

отрицательной силе человеческого воздействия. Наиболее ярко этот назидательный натурфилософский опыт воплотился в мифологических преданиях, в частности, в эпосе Кожожаш [4].

Этот неутомимый поиск онтологического баланса между социальной и космической средой будет развёрстан по всему периметру мифологических и натурфилософских изысканий той плодотворной эпохи и составит столповой хребет в традиции космоцентричного экзистенциализма. Это неизбывное стремление к утверждению всечеловеческого братства со всем живым наложило наиболее глубокий отпечаток на всю эволюцию гуманистических взглядов, где кульминационной вехой сострадательного отношения ко всему живому станут следующие рифмы Асана-Кайгы:

*Не имеющей ног,
Как живётся змее, бедняге?
Как живётся бедному кулану,
У которого нет ни гривы, ни хвоста?
Как живётся несчастным мухам
Без крова над головой?*[5]

2. Космоцентричный миропорядок. Другой не менее яркой натурфилософской манифестацией кыргызского космоцентризма стала онтологизация социокультурного измерения. Для кыргызов онтологический статус любой вещи, социального явления или духовной сферы верифицировался степенью включённости в священный миропорядок космоса, освящался уровнем приобщённости к космоцентричному преданию. Поскольку только в формирующихся мистериях космической жизни происходит символическая сакрализация феноменального мира, задаётся провиденциальное содержание вселенского устройства и раскрывается духовное назначение каждой вещи.

Весь этнокультурный уклад кыргызского народа был организован и фундирован в согласии с принципами первозданной духовности, встроены в режим реактуализации теллуократического предания Тянь-Шаня и являлся символической манифестацией космической среды. Всё было пронизано дыханием космоцентричной традиции, отсылало к своему первородству с одухотворённой природной средой. В этом кроется мировоззренческая глубина примордиальной

традиции, ибо всё, что следует своим исконным природным программам и максимально приближено к своему натуральному естеству, то берегает первозданное жизненное качество и заключает в себе неизжитый исток совершенства. Этот натурфилософский принцип пронизывал все сферы жизнедеятельности кыргызов в традиционную эпоху и отражался в мировоззрении, космоцентричной этике, нормах адата, формах жилья, видах хозяйства и даже нашёл своё отражение в мясо-мучной кулинарной традиции.

В иерархии космических сфер социокультурное пространство занимало основополагающее место – оно заключало вселенский универсализм всех природных планов и являлось высшим софийным звеном в преобразении сущего. В натурфилософском миропонимании кыргызов история космоса переходит в этническую историю. В софийном измерении народной жизни природа перерастает самое себя, трансцендирует в область абсолютного бытия и вступает в сферу осознанного долженствования.

С этих натурфилософских позиций кыргызские мыслители рассматривали свою примордиальную традицию как сакральное вместилище организующего начала мира, где в социокультурном измерении народа развёрнута космическая жизнь в её полноте и несокрытости. Это осознание провиденциального назначения этнокультурной традиции кыргызского народа выразилось в легендарных преданиях и нравоучительных сентенциях акынов той эпохи, где необходимость сбережения общекультурного согласия и социального единства определялась как ключевая миссия человека, императивная область его экзистенциального самовыражения.

Согласно народным преданиям, Асан-Кайгы превыше всего в жизни ненавидел межплеменные распри, Джээренче-чечен, в совершенстве владевший техниками евразийской майевтики, приобщал хана Джаныбека к искусству справедливого правления, Санчы-Сынчы считал, что любое действие, ведущее к подрыву социальной солидарности, равносильно уничтожению самого народа. Участь же неподражаемого сказителя песенного слова Токтогула-ырчы была воспета в народных легендах с особой выразительностью, поскольку народный герольд

выступил против деспотичного Кудоян-хана с обличительной речью, что привело к величественной смерти акына и бесславному концу сумасбродного тирана.

Представления о необходимости сбережения этнокультурной традиции путём правильных дидактических мер, добросовестного осуществления возложенных функций, соблюдения нравственных устоев и гуманизации общественных практик стали точками сборки для самых интенсивных переживаний той эпохи и сформировали несущие конструкции для многовекового космоцентричного общественно-политического уклада у кыргызов.

3. Космоцентричный утопизм. Как известно, утопические идеи возникают в общественном сознании в эпоху глубоких социокультурных пертурбаций, где диалектическое напряжение между реальным и идеальным, желаемым и императивным разрешается духовным прорывом в плоскость преобразённых моделей мироустройства. В утопии пересекается символизм двух онтологических проекций – земного и небесного. Сфера земных присутствий насыщает утопию этнокультурной архетипикой, транслирует эмпирическое напряжение конкретной эпохи с её социальными требованиями и духовными запросами. Область небесных интервенций обнаруживает себя разворачиванием вневременных и внепространственных идеалов, стяжается общечеловеческая ширь и раскрывается содержание вселенской жизни. Напор восходящего дионисийского напряжения разрешается в аполлонизм интегральных форм, где происходит стирание всех социокультурных граней, идёт вымывание всех наносных различий, – всё сущее встречает комплементарное созвучие в универсальном благе.

Чем правильнее соблюдена онтологическая пропорция между сакральной энергетикой земли и мироустроительным могуществом небесных форм, тем полнее и глубже объективирует себя хронотоп месторазвития. В чертогах преобразённых форматов мироустройства кристаллизуется соборное начало в этнокультурном измерении народа, задаются государственные традиции и черпается потенциал для долгосрочного социального домостроя.

Кыргызы в постмонгольскую эпоху, вступив на путь формирования кыргызской государственности на Тянь-Шане, встали перед необходимостью моделирования общенародной картины мира. Это типологическое своеобразие эпохи воплотилось в двух полуполюгендарных фигурах, обуреваемых поиском золотой долины всеобщего благоденствия, – Асана-Кайгы и Толубая-Сынчы.

Асан-Кайгы, иначе Асан-Печальный, является знаковой фигурой для целого ряда кочевых народов. В нём объединяются идеалистические переживания казахского, ногайского, каракалпакского и кыргызского народов. При этом примечательны символическая нагруженность и функциональная вариативность этого образа в каждом из упомянутых народов. Например, у ногайцев странствующий горедумец выступает как символ борьбы против тирании, активный борец за обновление культурных устоев. У казахов Асан-Кайгы предстаёт в качестве духовного архитектора степной государственности, чья социально-политическая деятельность заложила прочный фундамент державных традиций и который находился в тесном идейном союзе с ханами Жаныбеком и Кереем. Налицо глубокая этнокультурная ангажированность и включённость в семантический горизонт народных преданий этой культовой личности. В кыргызских преданиях его образ оваян жреческой тоской по преобразённым далям, охвачен эсхатологическими устремлениями прорыва в иной мир.

Исходя из мифопоэтического наследия кыргызов, можно заключить, что Асан-Кайгы жил в местности Джергалан Иссык-Кульской области, что подмечает исследователь А.Х. Касымжанов: «Существует версия о киргизском происхождении Асана-Кайгы, которая может быть оправдана общностью и близостью казахского и киргизского народов» [6].

Центральным мотивом его духовных исканий являлся поиск обетованной земли, новой горной Атлантиды, золотой долины, залитой светом солнца – Жер-Уюк. “Золотая земля ... там застыло время и нет пределов пространству, там жило человечество, когда светлы и открыты были глаза у людей и души чисты, когда гордо и прямо смотрели люди, восхищались горами

и солнцем, полётом птиц и бегом коней. Все были молоды и прекрасны, не знали старости и болезней, не ведали изнуряющего труда. Щедры были люди, жили без зависти и алчности, сама земля была как пиршественный стол, полный яств” [7].

Мироощущение Асана-Кайгы было пронизано консервативной установкой, что эпоха высшего преображения мира осуществилась в легендарные времена, свершилась в недостижимых сверхчувственных далях. Поэтому его экзистенциальный поиск золотой долины предполагал выход за эмпирический горизонт, а его неутомимые искания граничили с чувством безысходности, приводили к возрастанию уныния по мере тщетных скитаний и пустыня отчаяния в его душе ширилась.

По народным сказаниям, Асан-Кайгы странствует по всему Кыргызстану, посещает все труднодоступные уголки Тянь-Шаня, но ни одна местность не прерывает его странствий, не приносит утешение в его экзальтированную и беспокойную душу. Где бы ни ступала нога странника, везде его взору предстают непреодолимые изъяны, нет ни одной этнотерриториальной среды, способной вместить в себя образ обетованной земли. Этот сюжетный контрапункт составляет главный трагический лейтмотив в народной легенде о странствующем утописте.

Чувствуя ветхость и скоротечность земной жизни, Асан-Кайгы не оставлял надежды отыскать землю обетованную, такую обитель мира, где «жаворонок вьёт гнездо на овцах». Считается, что одинокий странник встретил вечность в дороге и завещал в своём предсмертном желании: «Похоронить его там, где не ступит нога человеческая».

Совершенно иначе увенчался поиск тяньшаньских елисейских полей другим легендарным мыслителем той эпохи Толубаем-Сынчы. Так же, как и трагический скиталец Асан-Кайгы, Толубай-Сынчы объездил все регионы Кыргызстана, но при этом везде находил развёрстанное светоносное присутствие для софийного преображения жизни, каждая этнокультурная локация для него заключала символический отпечаток земли обетованной. Например, Чуйская долина предстала перед странствующим гуманистом

как бесподобная и благодатная долина, которую населяют самые трудолюбивые и добросовестные люди. Иссык-Кульская область поразила акына величественной белизной горных массивов и обилием виртуозных сказителей.

Органичное же сочетание всех этих этнотерриториальных элементов, в понимании кочующего гуманиста, утвердило царство всеобщего благоденствия, стало вневременным содержанием вселенской жизни и конвертировало бы развёрстаный по горным долинам полицентричный опыт в универсальную космоцентричную среду, где «жаворонок вьёт гнездо на овцах». Только онтологическое схождение всех этнокультурных граней приведёт к прорыву в преображённую народную действительность.

В отличие от ретроспективной установки и пессимистической ориентации Асана-Кайгы Толубай-Сынчы проповедовал активную добродетель, стоял на позиции соборного преображения реальности путём умножения и конвергенции нажитого этнокультурного капитала и был убеждён, что интегральное единство всех семантических граней проложит путь к духовному благоденствию в этом мире. Последние тайны космоцентричного миростроения пребывают в творческой власти кыргызского народа, не существует никаких сверхчувственных преград для онтологического примирения космических начал в нём.

Для Толубая-Сынчы, равно как и для других акынов-гуманистов тех знаменательных столетий, многообразные воззвания к нравственному и творческому достоинству человека насыщались глубоким провиденциальным, почти сотериологическим смыслом, поскольку подлинным носителем всех преображённых далей являлся сам человек и все пути к земле обетованной пролегают в его собственных экзистенциальных глубинах. Только в человеческой власти приобщить земной мир к полноте божественной жизни и ввести социоприродную действительность кыргызского народа в золотую долину Жер-Уюк.

Идеалистический аспект в натурфилософских исканиях кыргызских мыслителей сыграл важную роль в динамично возводимой архитектуре смыслов, став её завершающим столбовым элементом. Что касается функционального

назначения утопических представлений в те века, то это позволило интегрировать многообразную этнокультурную россыпь в контекст долгосрочного социального домостроя, преодолеть имперское наследие монголов¹ и проложить связь времён на Тянь-Шане, преемственность идейно-аксиологических потоков – от общетюркского караханидского наследия до консервативного гуманизма Айтматова.

Наметившийся же полярный дискурс в способах достижения золотой долины, равно как

¹ У Чингисхана и его потомков было два знамени или военных штандарта – чёрное и белое – Кара Сульде и Цехан Сульде. Сульде был древним языческим тотемом у дальневосточных шаманов, считалось, что в нём живёт дух войны и он помогает в исходе битвы. И каждый раз перед битвой требовалось окропить его человеческой кровью, для чего приносились в жертву пленённые воины. Сульде всегда сопровождало Чингисхана и его потомков. К примеру, чем масштабнее была победа, тем больших жертв требовалось духу Сульде. Эта была важная религиозная практика, которая запечатывала монгольские сердца и замуровывала их души в непроницаемый для гуманистических идеалов бесчувственный кокон. Важно, что исконно монгольская религиозная практика богу войны – Сульде – с утверждением их многовекового владычества над бескрайними евразийскими пространствами стала дирижирующим принципом в осуществлении внешней и внутренней политики. Некогда локальный символический обряд масштабировался и объективировался, по бессмертному выражению Калашникова, в “Жестокий век”.

и в стратегиях реализации социального благоденствия, породит величественные духовные всходы в эпоху великих перемен, и это наследие конвертируется в два идейно-мировоззренческих блока – акынов-заманистов и акынов-просветителей.

Поступила: 13.12.2024;

рецензирована: 27.12.2024; принята: 30.12.2024.

Литература

1. *Мухаммад Хайдар Дуглати*. Тарихи-и-Рашиди / Мухаммад Хайдар Дуглати: архивир. 4.04.2023. С. 184.
2. *Джыбыкеев С.* Культурологический аспект кыргызско-китайских взаимоотношений на примере горнодобывающей отрасли / С. Джыбыкеев, Д. Мукамбетов. URL: <https://cabar.asia/ru/kulturologicheskij-aspekt-kyrgyzsko-kitajskih-vzaimootnoshenij-na-primere-gornodobyvayushhej-otrasli> (дата обращения: 29.11.2024).
3. *Мукасов Ы.М.* Мир в практической деятельности древних кыргызов / Ы.М. Мукасов. Бишкек, 2020. С. 83.
4. Кыргызы / отв. ред. А.А. Асанканов, О.И. Брусина, А.З. Жапаров. М., 2016. С. 405.
5. *Легендарлуу ырчылар жана сынчылар* / түз. М. Абдылдаев. Бишкек: Ала-Тоо, 1994. С. 24.
6. *Аманалиев Б.* Киргизские мыслители XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Б. Аманалиев. Баку, 1965.
7. *Антология педагогической мысли*. Алма-Ата: Рауан, 1995. С. 13–31.